

Вчера он впервые решился посмотреть в глаза Энджел, хотя прекрасно понимал, чем это может закончиться.

Эта длинноногая сексапильная брюнетка с потрясной фигурой занимала все его мысли уже на протяжении четырех месяцев. Он ненавидел себя за неуверенность, за то, что так и не нашел в себе силы познакомиться с ней не прибегая при этом к помощи лучшего друга, работающего с ней в одном торговом центре. Что-то удерживало его. А что именно, он не понимал. Было в ней что-то такое, от чего закипала кровь и немели конечности. Такое было с ним впервые. Известный в узких кругах музыкант, твердо стоящий на ногах и привыкший к женскому вниманию не должен был вести себя подобным образом.

Кулаки нервно сжались, как только он заметил ее вновь. Она выглядела как всегда потрясающе, в облегающем платье расцветки кожи ягуара, которое очень сильно подчеркивало ее кошачью грацию, на неизменных шпильках. Смоки-айс в темных тонах делал ее взгляд еще более магнетическим. Она даже не посмотрела вначале в его сторону — ее внимание привлекла приятельница, раскладывающая новые зажигалки на зеркальном стенде в двух метрах от него. Энджел спросила что-то у девушки, и бархатный тембр ее голоса на миг вырубил окружающую действительность.

Она замерла, словно хищница перед прыжком, повернула голову, и их взгляды скрестились подобно острым клинкам в поединке. Глаза — зеленые. Как и у него; и ее взгляд диктовал, подчинял себе без остатка; «Сдайся; и прекрати так смотреть, эта игра тебе не по зубам; я же тебя сломаю не напрягаясь, зачем тебе это надо?» Легкая улыбка играла на ее губах. «Сломай, — ответил он взглядом, — Я тебе в этом подыграю; может быть;» Темные брови Энджел на миг взлетели вверх, она была удивлена, но почти этого не выдала. Игра началась;

Познакомиться с ней оказалось легко. Он впервые поздоровался и назвал ее по имени. В ее глазах появился хищный блеск.

— Я вот тут собираюсь выпить кофе. Но ненавижу делать это в одиночестве; Беседа плавно лилась, ее бархатный голос и глубокий взгляд завораживали, а интеллект, который она не пыталась скрыть но и явно не демонстрировала, произвел нужное впечатление.

— Хочешь, я тебе сыграю? — поинтересовался он. Энджел улыбнулась.

— Я не люблю классическую музыку, но лишь по той причине, что у меня никогда не было возможности ее полюбить. Конечно, хочу.

Они договорились о встрече. Уже на прощание он неожиданно выпалил:

— Я сделаю все, что ты захочешь. Просто знай об этом.

— Все? — Она на миг задумалась, и блеск в глазах стал ярче. — Хорошо;

Два дня спустя она сидела в кресле в его квартире и слушала мелодию скрипки, которая не брала ее за душу совсем. Она не разбиралась в классике. Лишь когда он исполнил что-то похожее на ее любимую «Арию», она отставила в сторону бокал с недопитым мартини и подошла к нему вплотную. Ее тонкие пальцы с длинными красными ноготками слегка поглаживали его скулы, а взгляд завораживал, лишая воли Она всегда смотрела прямо в глаза.

— Одно твое слово, — тихо заговорила Энджел, — и я уеду. Мы забудем об этом как о несуществующем событии. Но только сейчас. Потом будет поздно. Или ты отказываешься, или принимаешь мои условия. Третьего не дано.

— Я все что хочешь для тебя сделаю. — ее прикосновения плавиле остатки здравого смысла. Он почти понимал, что же последует дальше, и возбуждение нарастало с каждой минутой.

— Хорошо, — она поцеловала его, но нежность поцелуя не сбила его с толку, это было похоже на затишье перед цунами. Спустя минуту она решительно оторвалась от его губ.

— Ты хочешь узнать, что будет дальше? Предупреждаю, есть еще время передумать. Он сглотнул. Пальцы рук дрожали. Энджел сдвинула свои красивые брови и, не отводя взгляда, медленно достала из сумки пару соединенных цепочкой браслетов. За ними последовала плетка. Он ахнул от изумления.

— Да или нет. Я жду.

— Я обещал — все, что захочешь. — голос дрогнул. Он не был к этому готов, но отказаться было выше его сил, потому что он понимал, что вряд ли увидит ее снова; Волна желания накрыла с головой, казалось. Еще совсем чуть-чуть — и рассудок отключится полностью. Она хищно улыбнулась улыбкой победительницы, не спеша извлекла из сумочки какой-то предмет в черном кожаном футляре и неспеша, зажмурившись, провела по нему кончиком язычка. Миг — и эта штука полетела на диван. Энджел грациозной походкой преодолела разделяющее их расстояние. Он не мог отвести взгляда и, казалось, растворился в омуте ее магнетических глаз.

Удар обжег неожиданно. Сильная пощечина, на которую, казалось, не была способна эта нежная ручка, заставила его вскрикнуть. Щеку словно обожгло огнем. Энджел ласково улыбнулась.

— Кто разрешил так дерзко смотреть?!

— Никто; — обреченно выдохнул он. Девушка ударила снова. Первым стремлением было перехватить ее руку, но он осекся, поймав ее взгляд.

— На колени. — Она говорила совершенно спокойно, но даже если бы она кричала, эффект не был бы столь ошеломляющим.

— Что? — ему показалось, что он ослышался. Это невозможно. Остатки гордости вновь выхватили квант здравого смысла из омута вожделения — Ты с ума сошла? Я этого не сделаю; ты меня не заставишь;

— Поверь, ты сделаешь это! И сделаешь это раньше, чем я испробую на тебе свою плетку. Я жду!

— Прекрати; — ему стало не по себе — Я не могу;

— У тебя был шанс к отступлению. Ты им не воспользовался. — она произнесла это почти с искренним сожалением. — Ты сделаешь это. Сам. Не заставляй меня причинять тебе лишнюю боль.

Он отвел глаза. Энджел потянулась за плеткой. Мальчик надломлен. Надо помочь ему сломаться окончательно. Резкий взмах руки; плеть рассекла воздух в паре сантиметров от его руки. Следующий удар задел плечо. Он скривился от боли. Еще раз;

— Остановись; — сквозь сжатые зубы проговорил он, медленно опускаясь на колени, словно надеясь, что нечто может помешать ему это сделать. Едва заметная дрожь сотрясала его плечи. — Не надо больше; прошу тебя; — он с изумлением осознал, что

больше не может смотреть ей в глаза. Ее власть лишила его воли. Чувство унижения ускорило сердцебиение, и желание от этого только усилилось.

Девушка подошла ближе и сжала пальцами его подбородок. Ее взгляд словно прожег его насквозь. И он опустил глаза в пол. Почувствовал, как ее ладони обманчиво нежными, ласкающими движениями прошли по его плечам, сжали воротник рубашки. В следующий миг послышался треск рвущейся ткани, и пуговицы полетели на ковер.

— В глаза! — она схватила его за волосы на затылке, запрокинув голову и удерживая в таком положении. — Слушай меня внимательно. С этой минуты ты сделаешь все, что я захочу. За малейшее неповиновение я накажу тебя очень жестоко. Ты все понял? — смысл сказанного впечатался в его сознание словно раскаленное железо, и против воли он кивнул.

— Хорошо; Положи руки на затылок.

Сопротивляться он уже не мог. Или не хотел? Энджел осталась довольна этой внезапной покорностью. Вновь ее руки, способные причинять как боль, так и наслаждение от ласк, нежно прошли по его щекам, и это было похоже на удар током.

Шаг — и она оказалась за его спиной, тонкие пальцы спустились вниз, поглаживая его грудь, прошли по соскам, и он с удивлением услышал свой крик восторга. Уже плохо понимая, что происходит, поймал губами ее запястье, ощутил вкус бархатной кожи, и все поплыло перед глазами. Страсть лишила его способности адекватно оценивать положение вещей, и когда на его запястье защелкнулся браслет наручника, он даже не понял что произошло.

Когда она ловким движением заломила вторую руку за спину, разум вопреки желанию восстал против полного подчинения, он резко дернулся, намереваясь вырваться и перехватить инициативу в свои руки. Желание схватить эту яркую стерву за шею, сорвать с нее платье и продемонстрировать ей свою, мужскую власть стало острым до невозможности. Но; он опоздал. Второй браслет железной хваткой сжал его запястье, причиняя почти невыносимую боль. Он дернулся всем телом, намереваясь сорвать оковы, от чего сталь только плотнее впиалась в кожу, и все поплыло перед его глазами.

— Сука; — отчаянно выдохнул он. Их взгляды пересеклись. Энджел наслаждалась своей властью, ее красивые зеленые глаза потемнели от возбуждения, грудь часто вздымалась под тонкой тканью платья.

— Запомни; — хриплым от страсти голосом выдохнула она, ударив его по щеке. — Ко мне ты будешь обращаться только так; Выбирай: Богиня; Повелительница; или Госпожа. За малейшее обращение не по правилам ты получишь 5 ударов плетью. За любое оскорбление или неповиновение — 10. Тебе все понятно?

— Сучка; Тебе лечиться надо; — выдохнул он — Давай, чего медлишь? Можешь забить меня до полусмерти, но другого обращения не услышишь!

Энджел осталась невозмутима. Она неспеша приблизилась к креслу, расчехлила непонятный пока прибор, щелкнула пару кнопок и обернулась.

— Плетка будет чуть позже. Я сделаю по-другому. — она резко вскинула руку, и в ту же минуту луч яркого света ударил ему в глаза, заставив вздрогнуть от неожиданности. «Фонарик всего лишь», — с облегчением пронеслось в голове. Он не знал, как жестоко ошибался. Девушка подошла еще ближе, подняла ножку и провела пальчиками по его груди. Волна удовольствия прокатилась по позвоночнику, сладкая боль аукнулась в пятках, лишая рассудка; слепящий луч света погас, теперь она просто держала фонарик на расстоянии пары сантиметров от лица, иногда нежно касаясь кожи скул и шеи, опускаясь к

груди, от чего его мышцы непроизвольно сжимались в предвкушении удовольствия.

— Я не знаю точно, какая сила тока; — нежно проворковала она. Темные пятна от яркого света все еще плясали перед его глазами, он не мог видеть ее глаз. — Говорят, это очень больно; если удержишь пару секунд, боль просто адская; а если больше — это уже болевой шок; — в следующий момент оглушительный треск, сопровождающийся яркой вспышкой, разорвал тишину. Он дернулся всем телом, осознав, что это электрошокер. Она играла с ним, нажимая кнопку включения но не касаясь его кожи.

— Тебя просто согнет от боли. И никакая плетка с этим не сравнится. Всегда хотела испытать его в действии. Может, сейчас? Что скажешь?

От ее спокойной, но безжалостной интонации его прошиб озноб, впервые за вечер стало страшно по-настоящему. Когда-то он видел эту штуку в действии, и при воспоминании об этом все словно оборвалось у него внутри.

— Нет; Я прошу тебя; — он не узнал своего голоса. Только сейчас ему было наплевать на собственное унижение. — Богиня; только не так; умоляю;

— Тише; ну не надо так переживать, — в ее бархатном голосе послышалась издевка.

— Один удар вместо 10; Ты еще поблагодаришь меня за оказанную тебе милость.

— Нет!; я сделаю все, что ты захочешь. Только убери его; прошу тебя;

— он даже не осознавал что именно говорил, от внезапного ужаса его начала бить крупная дрожь. Энджел нагнулась и нежно коснулась губами его губ.

— Я хочу увидеть твои слезы. Прямо сейчас. Тогда я пощажу тебя. — он застонал от отчаяния. Сломает, понял с ужасающей ясностью. Лучше сдаться, лучше; Новый разряд в миллиметре от его скулы заставил закричать, прежде чем он понял что его так и не ударили снова;

— Когда я испытала его на бумаге, — нежно произнесла Энджел, — на ней остался след. Как от степлера; пробило насквозь; — ее ручка с электрошокером поглаживающим движением спустилась к его груди, острие коснулось его сосков — у меня появилась одна интересная мысль; Что если сделать тебе пирсинг прямо здесь? Я тебе даже подарю сережки с бриллиантами. Будешь носить в знак того что принадлежишь мне. Два удара; И все!

Его трясло. Рассудок отказывался воспринимать действительность.

— Такие красивые глаза; когда же они заблестят от слез? Как долго мне ждать? Желание боролось со здравым смыслом, умом он понимал, что стоит лишь сделать все как она хочет, и он испытает самое острое удовольствие в своей жизни. Для этого нужно только самую малость; просто перешагнуть через себя, разрушить этот барьер на какое-то время и утонуть в цунами последующего экстаза. Он боялся признаться самому себе что его сильно возбуждает эта игра и удерживает только страх боли.

— Мне надоело. Я не умею долго быть мягкой. — Энджел с сожалением вздохнула. В ее взгляде промелькнули одновременно решимость и сочувствие. — Ты заплачешь, поверь моему слову. 10 ударов плетью для начала; А электрошок; сколько же раз? А это смотря на каком ударе плети я увижу твои слезы. — она поднялась и неспеша направилась к дивану.

Что-то щелкнуло у него в душе, переворачивая мир с ног на голову. Он даже не осознал в какой момент это случилось. Спазм сжал его горло, плечи затряслись, и приступ рыданий согнул его пополам. Только он даже не успел ощутить вкус отчаяния в полной мере, потому

что вместе со слезами пришла сладкая истома. Прекращать которую было выше его сил. Энджел замерла, обернувшись на его слабый стон. Ее глаза расширились, дыхание стало прерывистым, пальцы разжались, выронив плетъ без малейшего сожаления. Еще не веря своей безоговорочной победе, она зажгла фонарик, направив его в глаза своей жертве. Бриллианты чужих слез блеснули в ярком луче света, и сладострастная улыбка изогнула ее красивые губы когда он резко дернулся, пытаясь скрыться от ее взгляда.

— Достаточно! — хрипло произнесла она. — Вставай с колен. Достаточно.

Он никак не отреагировал на его слова, словно замкнувшись в своем мире где боль и удовольствие шли рука об руку.

— Мне повторить? — щелчок электрического разряда вновь привел его в чувство на какой-то миг. С трудом он встал, ощутив резкую боль в скованных за спиной руках — в порыве эмоций он так сильно напрягал запястья, что металл стер кожу почти до крови. Слезы все еще бежали из его глаз, когда он опустился в кресло. Желание стало нестерпимым. Ее глаза тоже потемнели от страсти, когда она приблизилась. В следующий момент ее губы легко, словно перышко, прикоснулись к его щеке, осушивая слезы. Он заметил, что ее глаза стали почти черными от желания. Пальчики Энджел неспеша расстегнули пуговицы на платье, ладони прошли по груди и едва уловимая судорога пробежала по красивому телу. Он замер.

Прикоснись ко мне! Позволь мне любить тебя вопреки всему, что произошло! только из-за этого я впервые в жизни добровольно сдался и принял твою игру! если бы не было права любить тебя после этого, я бы никогда на это не пошел!

Да, кажется, он сказал это вслух! Или нет? Она просто услышала его ментальный призыв. Платье полетело на пол. Девушка осталась в шикарном, черном кружевном белье. Уж в этом она разбиралась как никто — не зря работала в линжери-бутике старшим консультантом. Грациозно опустившись на его колени, она слегка потянула его за волосы и заставила посмотреть себе в глаза. Ее язычок облизал губки, после чего она нежным поцелуем прикоснулась к его щекам, улавливая слезы. Он застонал, чувствуя, что больше не может себя контролировать. Она приблизилась к его губам.

— Ощути вкус отчаяния!

Секунда — и поцелуй захватил их обоих, он перехватил инициативу, разжимая языком ее полустиснутые зубки и дерзко проникнув внутрь. Вкус его слез на ее губах сводил с ума, напоминая о недавно пережитом унижении, только он ни капли не жалел об этом. Ее руки нежно поглаживали его тело, а от резкого перехода от агрессии к ласке контроль терялся, открывая путь страсти. Со стоном он оторвался от ее губ, отодвинул зубами бретельку ее ажурного бюстгалтера, и губы сомкнулись на твердом соске.

Она закричала, блеск глаз стал максимально ярким, она отдалась на милость сметающей все на своем пути страсти. Ему захотелось сжать ее в объятиях, но руки были скованы, и резкое движение отозвалось новой вспышкой боли, напомнив о реальном положении. На секунду ярость накрыла его, ласки стали более грубыми, но она только задрожала сильнее. Когда он прикусил ее грудь. Ее длинные ресницы дрогнули, во взгляде была неопределенность.

— Если хочешь! Можем прямо сейчас поменяться ролями! Только скажи!

— Освободи руки! — властно приказал он. Уголки ее губ чуть дрогнули, и она подчинилась. Энджел смело смотрела прямо в глаза, но теперь в них не было прежнего высокомерия, только страсть и! пожалуй, легкая паника от предвкушения!

«Если хочешь? Можем прямо сейчас поменяться ролями?»

Воображаемый сценарий — эта гордая стерва на коленях со скованными руками и завязанными глазами, — моментально пролетел в его сознании, но в следующую секунду он осознал, что даже не может допустить мысли о том, чтобы причинить ей боль, вопреки ее жестоким играм. Она реально была Богиней, которую хотелось носить на руках и задушить в объятиях одновременно.

Она не сопротивлялась, когда он подхватил ее на руки и перенес на кровать, ее губы нежно, с едва сдерживаемой страстью отвечали на его поцелуи. Не прекращая ласк, он осторожно раздел ее.

— Не могу больше; хочу тебя; — простонала Энджел. Но он словно не расслышал ее мольбы. Его язык медленными, дразнящими движениями исследовал ее грудь, плоский живот, играя пирсингом с черным жемчугом, опустился еще ниже. То слегка поглаживая. То надавливая сильнее, он ласкал каждый миллиметр ее кожи. Если он хотел ей отомстить, слаще мести нельзя было придумать. Этой ночью она кончила раз десять, наверное, прежде чем уснула, спрятав голову у него на груди. В этот момент она очень сильно напоминала маленькую девочку;

А утром она исчезла. Ни записки, ни звонка. Только легкий аромат Armani idol был доказательством ее недавнего присутствия. И еще следы от наручников на его запястьях. Каждый раз потом у него сносило крышу, стоило лишь вспомнить, с каким наслаждением ночью она целовала эти ссадины, словно стремясь стереть лаской следы своего безумия; Вспоминал ее губки. Ее язычок, когда она ласкала его член, останавливаясь перед наступлением оргазма и вновь вознося его на высоту; Ее длинные ноги, обхватывающие его поясицу в порыве страсти; в конце-концов, просто ее неконтролируемую страсть, которой она, казалось, сама испугалась но не подала виду; Она не появилась.

Полный игнор даже тогда, когда он постучался в друзья на ее страницу ВК. Пару раз он приезжал в ее магазин, но ни разу не застал ее там; На день святого Валентина прислал с курьером огромный букет роз, но как оказалось, не он один решил быть столь оригинальным в этот праздник; Его друг любил пропустить с Энджел чашку кофе по окончанию работы и потрепаться о политике, но он не стал втягивать в это друга.

Она хотела исчезнуть, и он должен был уважать ее желание; но черт возьми, как хотелось обладать ею снова, целовать ее пухлые губки и не отпускать ни днем ни ночью; Однажды друг как бы невзначай сказал ему, что у Энджел появился новый мужчина, очередной мачо спортивного телосложения с полным отсутствием мозгов; Иногда он ненавидел ее за это, и картина маслом — она на коленях, у его ног, — становилась еще ярче в его воображении; Но уже в следующий момент она таяла, размывалась и он с горечью осознал, что она перевернула его мир с ног на голову и он так и не сможет никогда причинить ей боли;

Энджел; Экстази; а ведь он даже не знал как ее зовут по-настоящему;